

'Тепло. Так тепло. Уже не больно. Разве смерть должна быть такой теплой? Наверное, все, что нам говорили, было ложью".

'Не могу поверить, что не чувствую боли, всего секунду назад я испытывал адскую боль. Ах да, я же мертв, у меня нет тела, так почему же я должен испытывать боль без нервов".

'Мм? Тогда как я в сознании? Разве смерть не должна быть последним пунктом назначения? Разве все не заканчивается со смертью? Святой ад. Только не говорите мне, что Бог действительно существует.

'Меня точно отправят в ад, я даже не верил. Наверное, это и есть тепло, я медленно спускаюсь в адские ямы".

'Ну, это все неважно. Я умер с таким количеством сожалений, только для того, чтобы после смерти быть в сознании и продолжать чувствовать эти сожаления. Как это вообще справедливо? Тч, этот бог, наверное, просто нарывается".

'Хахахаха. Какую жалкую жизнь я вел. Конечно, я могу винить общество, но я действительно ничего не сделал, чтобы изменить свою ситуацию". 1

Конечно, человек был отрезан от своего тела, теперь он был просто блуждающей душой. В огромном темном зале ожидания. Он полагал, что не может видеть, потому что у него нет глаз, но это было человеческое мышление. Душе не нужны глаза, чтобы видеть.

Темнота в комнате была настолько плотной, что даже звук не просачивался внутрь. Как будто он парил в космическом вакууме, только здесь не было ярких звезд. Определенно не было света в конце туннеля.

Мужчина усмехнулся про себя. Он ничего не мог с собой поделать, в его мире религия не была чем-то большим, но она там была. Они действительно верили в концепцию света после смерти, сколько раз они приставали к нему, пытаясь обратить его в свою веру. Больше всего на свете он хотел предстать перед ними и рассказать им, насколько все это притворство.

'Мелочь.' Голос насмеялся в его голове, только это был не его голос.

'А? Кто там?' Даже если бы у него было тело, он не смог бы вскочить, не то что испугаться. В том месте, куда его насильно поместили, не было ни подъема, ни спада.

'Черт возьми, не делай все, что тебе заблагорассудится. Это вы заманили меня сюда? По какой причине? Отправь меня в ад или убей совсем", - сказал он, стараясь казаться храбрым.

Однако голос больше не заговорил. От этого ему стало еще тревожнее, он почувствовал, что за ним наблюдают. Он чувствовал себя таким уязвимым, таким одиноким, таким хрупким. Ему ничего не оставалось делать, как ждать, ждать, что бы это ни было.

Он был всего лишь блуждающей душой, у него не было чего-то вроде тела, чтобы защитить свою сущность. По крайней мере, тело было мешком с мясом, с клеткой костей. Но сейчас он был просто душой. И это пугало его.

Бип! Бип! Бип!

Сигнализация вышла из строя. Несмотря на то, что комната казалась не очень большой, сама сигнализация была продвинутой, потому что она не переставала квакать, пока не

почувствовала движение и изменение дыхания. Объявляя, что он проснулся.

На кровати лежал мальчик и мирно спал. То же самое нельзя было сказать об одеялах - они валялись на полу. Его брови нахмурились от нежелательного звука.

"Так чертовски шумно", - подумал он.

Звук показался ему знакомым, как только он пошевелился, чтобы сообщить, что проснулся, тревога прекратилась.

Я все еще в той темной комнате? Нет, ощущения немного другие. Я чувствую себя тяжелее".

Мальчик медленно открыл глаза, его голова пульсировала от боли. Он попытался пошевелиться, но тело не поддавалось. Он пытался вспомнить, что произошло.

Он занял деньги у ростовщиков, чтобы вложить их в бизнес, который потерпел крах. Они пришли за деньгами, а ему нечего было им дать. Они безжалостно избили его и оставили умирать.

Несмотря на то, что это произошло несколько минут назад, ощущения были, мягко говоря, туманными.

Теперь он оказался в комнате, которую не видел много лет. Это была его старая комната, в которой он жил до 17 лет. Он наконец смог сесть, чувствуя себя дезориентированным и растерянным. Он огляделся, и все было так, как он помнил.

Те же старые плакаты на стенах, приклеенные жвачкой, те же старые простыни, те же старые книги на полке с порванными страницами и сломанными корешками.

Но что я здесь делаю? Это часть путешествия в загробный мир или что-то в этом роде. Это концепция жизни, промелькнувшей перед моими глазами?

Он не понимал, что происходит, его смятенный разум пытался осмыслить все происходящее. Он не мог.

Но это определенно была та самая комната, с грязными стенами и запахом плесени. Крошечное окно, которое, казалось, было сделано для того, чтобы хотя бы проникал солнечный свет. Потолок, который почти обвалился.

Четыре стены, которые были так близко друг к другу, что стали бы врагами для человека, страдающего клаустрофобией. Кровать, которая была твердой, почти как бетон. Да, это определенно была комната детства, которую он делил со своим младшим братом.

Он быстро встал, чтобы посмотреть, что происходит, живы ли его родители, братья и сестры. Он чуть не упал, потеряв равновесие, внезапное головокружение заставило его сесть обратно, он попытался встать снова, на этот раз медленно. К счастью, головокружение прошло. Когда он уже собирался пробежать мимо зеркала, он увидел его, но этого не могло быть. Он быстро обернулся.

'Молодой я?'

Он стоял там целую минуту, как статуя, застыв, потрясенный до глубины души и не в силах осознать то, что было прямо перед ним. Он точно читал эти абсурдные истории со старой

Земли, но этого не могло быть, это должно быть сном.

'Возвращаемся ли мы в загробной жизни к своей молодости?' Этот вопрос не давал ему покоя. Он не верил ни в какого бога, но этот опыт постепенно заставлял его сомневаться во всем.

В зеркале стоял юноша лет 17 и смотрел на него. Смуглая гладкая кожа, высокий рост, резкие черты лица, глубокие голубые глаза и темно-каштановые вьющиеся волосы, и он был немного недоедающим.

Это, несомненно, был его 16-летний ребенок, но виртуальный календарь на стене напоминал ему, что ему еще не исполнилось 17 лет. Хотя это произойдет еще не скоро.

Он не мог поверить в то, что видит. Он потрогал свое лицо, чтобы убедиться, что его тело действительно помолодело. Он был поражен, что когда-то выглядел так.

Он выглядел таким отдохнувшим и свободным от стресса. Ни темных морщин под глазами, ни отчаяния не было видно. Он все еще не понимал, как устроен мир. Он усмехнулся тому, каким наивным он когда-то был.

Спотыкаясь, он подошел к двери и вышел из своей комнаты, и тут же его нос атаковала волна знакомого аромата. То, чего он не чувствовал уже более 7 лет. Его колени ослабли, он не мог нормально ходить, поэтому использовал грязные стены для опоры. Как одержимый, он должен был увидеть это.

Их дом был очень маленьким, поэтому ему не потребовалось и секунды, чтобы пройти на кухню из своей комнаты, где сидели все, кроме мамы.

Она стояла у плиты и готовила для всех завтрак или ужин. Он не был уверен, он был настолько выбит из колеи, что не мог понять, ночь сейчас или день. Но это был вечер, должно быть, будильник почувствовал ненормальную частоту его сердцебиения и разбудил его.

Его мать выглядела такой же красивой и такой же старой, как он помнил. Черные волосы до плеч, большие глаза цвета лазури, в которых, казалось, была вся надежда мира.

"Мама..." Его голос прозвучал так тихо, что это был почти шепот. Он почувствовал, что его лицо стало горячим, и ему стало трудно глотать, так как в горле встал огромный комок.

Его мать обернулась, улыбаясь и напевая, но выражение ее лица изменилось, когда она увидела своего сына. Он выглядел таким подавленным, что она готова была поклясться, что он проснулся из могилы.

"Что случилось, малыш? Разве ты не должен спать, вирусная прививка должна быть еще очень активна в твоём организме", - сказала она, ее голос был полон беспокойства.

"Вирусная прививка?" спросил он, сначала выглядя растерянным.

Потом он вспомнил, что всем, когда они достигают совершеннолетия, делают прививку. Мир уже не был таким, каким он был раньше, и прививка гарантировала, что в новом мире они будут жить дольше и здоровее. Теперь он понял, почему чувствовал себя вялым. Но все это не имело для него значения.

Этот голос. Это был ее голос. Это был голос, который был теплым для него, но и холодным, когда он вел себя как плохой сын, мягкий, но резкий голос, который ругал его, когда он не

стирал школьную форму или оставлял посуду в раковине, не помыв ее. Голос, который был обеспокоен, когда он болел и был прикован к постели в течение нескольких дней.

'Я сплю? Это что, рай?

Хотя ему было все равно, что это такое, он чувствовал боль, что, так или иначе, означало, что это не сон. Все, что имело значение, это то, что его семья была здесь, с ним. Сидели за тем же столом, что и всегда.

Они ели вместе за каждым приемом пищи, когда могли. Это стало традицией в его семье.

<http://tl.rulate.ru/book/90197/2943387>